

Архимандрит ЛАЗАРЬ

ПАСХА БЕЗ КРЕСТА ИЛИ ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭКУМЕНИЗМЕ

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© 1998. Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

"Если, оставаясь верными своим догматическим позициям, мы могли бы прийти до взаимного понимания, в особенности в том, что нас друг от друга отличает, это было бы, конечно, более верным путем к соединению, чем тот, который проходил бы мимо этих различий".

Владимир Лосский (1)

Сегодня каждый православный христианин должен однозначно ответить самому себе на вопрос: на стороне ли он экуменизма или же на стороне Православия. Расплывчатые и отвлеченные рассуждения об этой болезненной проблеме все более и более приобретают характер явной лжи. Дух экуменизма, экуменического движения проявился со всей очевидностью, сделаны вполне конкретные заявления, и для православных христиан уже недопустимо делать вид, будто "ничего страшного все еще не происходит". Хотя многие миряне, пастыри и даже архипастыри нашей Церкви и делают заявления, что экуменизм может сыграть положительную роль при известном к нему подходе, – такой взгляд вполне **ложен**. Экуменизм останется разрушительной силой в отношении к истинной вере при любом подходе к нему. Это очевидное зло, и зло тонко-коварное, лукаво прельщающее, убивающее спасительную веру, зло, действующее на душу неприметно, но парализующее самые главные центры духовной жизни христианина.

Мы утверждаем, основываясь на учении Святой Православной Церкви, опираясь на бесчисленное множество свидетельств Священного Писания и святоотеческого Предания, на правила Святых Апостолов, на Номоканон Церкви, на примеры из жизни святых Отцов Православия, на преобладающее воззрение современных монахов, иереев, мирян Церкви, также приводя в неопровержимое свидетельство святую кровь великого сонма православных мучеников, – мы утверждаем, что любое **религиозное** общение с еретиками, попытки единения с ними при умалчивании, прикрывательстве в отношении разности, догматической непримиримости учения Православия с учением каких бы то ни было еретиков и иноверцев и тому подобное двоедушное, лицемерное поведение, приучающее православных людей скрывать самую главную основу их веры, суть всей их духовной жизни – что Истина только в Православии и нигде более, – все это есть измена Христу, отступление от Истинного Бога!

Мы, православные христиане, твердо верим и не сомневаемся в том, что Истина только в Православии, мы верим, что спастись, наследовать Царствие Небесное, достичь главной цели жизни человека – **обожения** – может только православный христианин, чья жизнь во всем согласна с учением Православной Церкви, который приобщается Таинств, хранимых нашей Церковью, напитан их благодатью, усваивает себе дух покаяния, подвизается в духе кротости и смирения Христовых, а не в духе прелести и гордыни, следует учению святых Отцов.

Какими бы добрыми, благопристойными, приятными, милосердными ни казались нам иноверцы, даже имея с ними самые дружественные внешние отношения, мы не

должны колебаться в вопросе неправильности и еретичности их учения о Боге. Мы не должны прельщаться видимой их добротой: доброта доброте – рознь. Мы часто по своей духовной слепоте бываем не в состоянии увидеть корни внешних дел человека – из каких глубин духа исходят они, какое основание и какие побуждения имеют они под собою. Этому различению может научить нас лишь внимательное изучение самой жизнью духовного наследия наших наставников – святых Отцов. Только они, их боговдохновенные писания учат нас сегодня отличать добро евангельское от прелестного добра человеческого. Сам по себе наш рассудок слеп в этом отношении.

Экуменизм чаще всего пытается нащупать нечто обобщающее, объединяющее разные религии, культы, учения и всевозможные течения культурной деятельности человечества, используя лукавые витиеватые фразы, двусмысленные заявления, артистические реплики. Слышатся слова: "любовь", "мир во всем мире", "взаимопонимание", "гуманность"; слышатся лозунги: "разделение – язва на теле Церкви", "ищите богозаповеданное единство", "призыв к единению всех верующих особенно актуален теперь", "мы стоим перед лицом угрозы ядерной катастрофы", "молитесь о том, чтобы удалились разделения и приблизилась к нам взаимная, всепонимающая любовь" и т.д. и т.п. Часто приводятся отрывочные, ложно толкуемые цитаты из Священного Писания, особенно слова Господа: *да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин. 17,21) и другие.

Все "объединяющее", если обнаруживается экуменистами, то с восторгом и ликованием возвышается над головами людей – как новое знамя, как еще одна преодоленная ступень разделения, как еще одно доказательство единства всех вероучений. Все же различия, разделения, которые так трудно скрыть, всячески поносятся, объявляются порождением зла, фанатизма, духовной слепоты, их предлагается не замечать, любым способом преодолевать – эти досадные разногласия. Наиболее ловкие защитники экуменизма даже заверяют, что "разделительные стены между церквями не достигают до самого неба, до Христа-Главы, и не спускаются до самого сердца Церкви, до Святого Духа".

Да, действительно: эти стены не достигают до Неба, также и до "сердца" Церкви они не доходят. Они просто отделяют как непреодолимая преграда истинную Церковь от лжецерквей. Небо от ада, Истину от лжи, верных Христу от отступнического мира! Эти "разделительные стены" есть догматические истины Православной Веры, цель которых – четко разграничить путь спасения от путей погибели (ясно, кому может принадлежать идея стереть, уничтожить их – отцу лжи, человекоубийце искони, который сам не устоял в истине (Ин. 8, 44) и всячески стремится поколебать в ней других!). Каждый, кто искажает догматы веры, не может переступить порог Церкви, не может даже положить начало пути ко спасению. Эта "стена" становится для него преградой на пути к Небу. Устранить ее можно лишь полностью приняв учение Православной Церкви и точно следуя духу ее благодатной жизни.

Часто сторонники экуменизма возражают на предъявляемые им обвинения: "экуменизм – совсем иное, вы не понимаете, что значит – "экуменизм". Мы не собираемся что-либо уступать еретикам в вопросах веры, наоборот, мы желаем их привлечь к Православию. Мы не имеем права закрыться в себе, спастись только самим, когда весь мир погибает!" Но так ли это? Рассмотрим!

Что нас разделяет с еретиками? С чего началось это разделение? В чем гибельность их учения? Мы ли разделились с ними, или они сами отошли от Истины, не поверив голосу Церкви, соборно призывавшему их не совершать такого безумия, разъяснявшему им их заблуждения, подробно разобрав каждый пункт их пагубных нововведений? Не презрели ли они громкий зов нашей Церкви? Не мы разделились с ними, а сами они удалились от Истины! Если же мы хотим вернуть их вновь в лоно Православия, то о чем же прежде всего мы должны говорить с ними? Разве не о причине разделения? Разве не о тех же разногласиях и различиях в вопросах веры, о которых уже был когда-то подобный разговор? Но как это возможно, когда сам "устав" экуменистических собраний запрещает

спор о догматах веры? Да и никогда не слышно нигде, чтобы был разговор у экуменистов о догматах. Если они и исследуют вопросы догматические, то лишь с одной целью – найти способ как-нибудь обойти различия в их понимании. Так это было недавно, при попытке воссоединения с монофизитами, когда принципиально различное изъяснение догмата о Божественной и Человеческой природах Господа Иисуса Христа экуменисты пытались представить как недоразумение, возникшее из-за "несколько различной богословской терминологии". Иного же, по-настоящему серьезного, необходимого разговора о догматах не слышно ни на экуменистических собраниях, ни на частных встречах, ни во время совместного путешествия на конференции, ни на вечеринках и банкетах во время встреч и после собраний.

Почему?! Ведь мы знаем, мы верим, что их еретическое вероисповедание имеет пагубный изъян, их вера искажает учение о спасении, они потеряли источник жизни, путь спасения ускользнул от их взоров, и они стоят на ложном пути, и мы молчим? Весело пьем кофе, шампанское, с приветливыми лицами ведем приятную беседу о том, о сем, угощаем друг друга шоколадом и молчим о самом главном, о вопросе жизни и смерти? Или мы просто уже не считаем этот вопрос вопросом жизни и смерти?

Скорее всего нам ответят, что это своего рода "дипломатия", что внешнее дружелюбие может привлечь еретиков к нам и потом уже им откроется глубина Православия. Нам будут приводить в пример Апостола Павла, который *для Иудеев был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона, как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона. Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9, 20-22). Будут вспоминать преподобного Макария Египетского, который приветливым обращением обратил языческого жреца к истинной вере. Укажут и на слово Самого Господа: *Кто не против вас, тот за вас* (Мк. 9, 40). Приведут на память и увещание св. Иоанна Златоустого о "мягком" отношении к еретикам с целью их спасения, и многое, многое скажут в свое оправдание. Но тот же Апостол Павел говорит: *Еретика, после первого и второго вразумления, отверщайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден* (Тит. 3, 10-11). Апостольские Правила категорически запрещают молиться с еретиками, принимать от них благословение, праздновать с ними, принимать от них праздничные дары, позволять им входить в дом Божий (Правила Апостольские – 10, 11, 45, 46; Лаодикийского собора правила – 32, 33, 37, 6). Можно привести бесчисленное множество предостережений отеческих, научающих нас крайне осторожно относиться к иноверцам, всячески остерегаться яда их ересей.

Но самое главное недоразумение здесь в следующем: все вышеупомянутые "приемы" Апостола Павла, приветливость преподобного Макария, наставление Господа не отвергать того, кто не против нас, – все это есть как бы уда, которая привлекает человека, не ведающего еще истины, делает его более доверчивым и открытым. Но при этом, безусловно, подразумевается, что вслед за тем ему будет основательно преподано истинное учение – не только о приятных и радостных сторонах нашей веры, но и учение о Кресте, о самоотвержении, о распятии своих страстей и похотей, об отрешении от своей воли, о строгом следовании всему учению Церкви. Однако экуменисты доводят "уловленных" ими иноверцев, вполне уже, казалось бы, сдружившихся с ними, по доброму расположенных к ним, доводят их наконец-то до дверей Церкви, вводят внутрь, приводят к алтарю, заводят в алтарь, уже там молятся и лобызаются с ними, но так и не заводят разговор об истинности нашей веры, о еретичности, стало быть, пагубности их вероучения!

Замечена другая характерная черта экуменистов: когда кто-либо из католиков, протестантов, монофизитов или другая какая заблудшая душа, воздвигнутая вдруг Божьим призыванием, после долгого поиска и страданий возгорится желанием перейти в Православие, то наши "любвеобильные" экуменисты оказываются, вопреки всем

ожиданиям, крайне безучастны к этим обратившимся за помощью к ним, возвращающимся в дом родной, блуждавшим в горах овцам! Тогда почему-то на лицах этих пастырей не заметно ни радости, ни восторга, ни былого энтузиазма, скорее наоборот – какая-то скука, безразличие и даже недовольство! Кажется, еще немного и обратившиеся от ереси услышат: "Ну к чему такая жертва?! Это совсем не так необходимо! Вернитесь, вернитесь к своим, не огорчайте их!.." И действительно – как тут радоваться, ведь папам, кардиналам, ксендзам, пасторам, докторам не понравятся такие перебежки – их овец к православному двору! Еще чего доброго надуются на наших пастырей и дело "единения христиан ради мира во всем мире" осложнится и затянется. Стоит ли ссориться из-за одной-двух жалких овечек, когда генеральная цель – куда как величественнее!

И вот еще один момент, игнорировать который, по меньшей мере, странно. Мы, православные христиане, весьма и весьма соблазняемся, когда во время богослужения видим в своих храмах молящихся вместе с нашими архиереями иноверцев, видим еретиков входящих в алтарь, когда узнаем, что кто-то из православных священников причастил иноверца. И тем более – когда смотрим на то, как на экуменистических ассамблеях наши пастыри, архипастыри делятся "опытом жизни", "миротворческим опытом" и едва ли не "духовным" – с представителями всех религий мира, даже с шаманами и колдунами. Мы крайне соблазняемся, скорбим, ропщем, видя многие и многие кощунства экуменизма. Почему столь любовно настроенные по отношению к еретикам экуменисты игнорируют это скорбное, весьма опасное в духовном отношении состояние своих же церковных чад, за которых они как пастыри прежде всего должны будут отвечать перед Богом? А сколь многие действительно православные люди, не находя для себя компромиссного выхода из столь безобразного положения внутри Церкви, уходят от нас и перестают жить церковно! Немало приходит сегодня в Православие людей категоричных, стремящихся к чистоте вероисповедания, не терпящих фальши. Они уже достаточно насмотрелись на лицедейство в миру и теперь ищут честности, искренности – среди православных. Они никак не могут совместить строгое учение Церкви о догматах, правила Апостолов, Отцов и современное, столь двоедушное, столь лицемерное поведение многих наших пастырей и мирян. Мы знаем довольно случаев, когда соблазненные именно экуменизмом верующие ушли из Церкви. Да, можно обвинять их в гордости, в "негибкости". Но почему экуменисты готовы так бережно и любовно терпеть, сносить и покрывать любую негибкость еретиков, проявлять по отношению к ним любую "гибкость", любую бесхребетность – вплоть до утаивания почти всех основных понятий своей веры, а для тех, кто желает строго держаться православного учения, находятся только презрительные усмешки, обвинения в тугоумии, в непонимании "элементарных вещей", в фанатизме, в отсталости от духа времени и так далее? Но пускай экуменисты покажут нам список тех, кого они своей "гибкой дипломатией" привели в Православие, а мы покажем им список тех, кто, соблазненный их лицемерной деятельностью, отошел от Церкви! Какая же цель оправдывает эти средства?

Быть может, эта цель – обращение всех еретиков в Православие? Но как? Если нет разговора о догматах веры, то как они поверят, что Истина у нас? Если же мы захотим опять полемизировать об этих вопросах, то должны будем вернуться к полемике уже состоявшейся – на Соборах! Святые Отцы давно обличили каждое из искажений веры еретиками, и сделать это лучше них мы уже не сможем. Но вот беда! Экуменистов прямо-таки трясет от одного упоминания об этих Соборах. Они, скорее, желали бы собрать новый собор – свой, чтобы пересмотреть все постановления Соборов, бывших прежде. Да даже если и допустить, что немалая часть иноверцев благодаря самоотверженному труду наших экуменистов решит перейти в Православную Церковь, будут ли в таком случае обрадованы последние? Вряд ли! Ведь обращение огромного числа иноверцев в Православие, как отмечалось уже прежде, вызовет скандал, вызовет протест той их части,

которая останется верной своему учению. И значит, опять вражда, опять разделения, распри! А как же тогда с "миром во всем мире"?

Экуменисты различаются по степени своей увлеченности идеями экуменизма: некоторые из них не отрицают, что "полнота" Истины только в Православии, но допускают также частичное пребывание ее и в других конфессиях; другие считают Православие более высоким в смысле морально-аскетическом, но отнюдь не в смысле предпочтения Православной Церкви как хранительницы Благодати Божией; иные вообще не признают различия между вероисповеданиями и убеждены, что истина частично присутствует во всех учениях и потому единение религий может привести лишь к взаимообогащению.

Что касается "православных" экуменистов, то они, безусловно, отдают предпочтение Православию (хотя встречаются, как это ни удивительно, исключения и из этого порядка), но опять же – в разной степени. Одни хотели бы найти в экуменизме способ разрешения мировых проблем, связанных с постоянной враждой между народами. Они полагают, что, по крайней мере, надо договориться, чтобы люди не враждовали на почве различных религиозных убеждений, а наоборот – объединялись и сближались. Ведь все религии учат какому-никакому, но все же "добру", и потому нужно попытаться обойти эти "колкие" тонкости догматических разноречий и, умолчав обо всем разделяющем, отобрав же все "лучшее", "примиряющее", "объединяющие", на этом основании строить мир и любовь. Эти люди считают, что экуменизм – явление нерелигиозного характера, цели его по отношению к религии внешние. Но есть и такие экуменисты, которые стремятся к решению именно религиозных вопросов. Они видят в экуменизме зародыш "новой религии", более совершенной, универсальной, доступной и всепроникающей, которая одна только и сможет решить мировые проблемы – не наружно, не через словесный только сговор между людьми разных вероисповеданий, а через внутреннее их воссоединение, когда будет найден один главный связующий центр, близкий, понятный и вожделенный каждой душе, а все "наносное", разделяющее, второстепенное будет мудро отвергнуто. Тогда, мол, люди оценят значимость этого "главного" в их жизни, найдут ключ от своего счастья. Тогда они увидят наивность и неполноценность своего фанатического стремления удерживать какие-то частные, узкие, мертвые религиозные понятия, обряды, законы, запреты, догматы, которые, как высохший кокон, уже не живут, но только покрывают собой жизнь прекрасного существа. Пришло, дескать, время вылететь на свободу этому яркому, жаждущему жизни, радостному мотыльку! Надо жить, жить широко, все и всех принять в радость нашей жизни! Новая эра! Пора стряхнуть с себя высохшую кожуру древних скучных понятий о Боге и человеке! Надо жить и любить, любить и жить! Религия должна давать людям мир, любовь, счастье, общение и взаимопонимание, братство, радость, смех и жизнь – и здесь же, уже сегодня! Смех, а не слезы, не печаль и страх, не распри, резню, проклятия, запреты, угрозы, анафемы, схизмы и т.п.

Есть и такие экуменисты из "православных", которые очень скромны в своих упованиях на дело экуменизма. Для них экуменизм – лишь способ выйти на мировую арену, предстать перед лицом всего образованного человечества и сказать нечто свое. Как же, ведь все заявляют с этой всемирной трибуны свое "Я", чего ради нам скрываться, оставаясь в стороне от столь важных событий, в стороне от людей религиозных, ищущих сообща решения мировых проблем? Мы можем потихоньку пронести на это скопище что-нибудь свое, на пользу и благо страждущего человечества, мы можем внести здоровую струю в движение миротворчества...

Вообще, мотивы появления на экуменистических конференциях и ассамблеях "православных" христиан могут быть самые различные, от нежелания оскорбить своим отсутствием важных и сановитых покровителей и устроителей этих собраний до принятия на себя "с болью сердца" самоотверженного подвига – своим "благодатным" присутствием "освящать" это сонмище заблудших душ, тайно вознося за них горячую молитву. Вполне возможно, что некоторые "православные" экуменисты думают, что одно

их внутреннее горение христианской любовью, благодать, сокровенно носимая ими, одно их благопристойное, "духовное" поведение и благочестие лиц могут сотворить чудо, и люди, влекомые неким таинственным зовом обратятся к Православию. Есть сегодня (и они – не редкость) и такие "горящие ревностью" христиане, которым представляется, что "благодать" так и льется от них, как благоухание фимиама, все освящая вокруг, что их молитвенная, подвижническая жизнь преобразует и воцерковляет окружающий мир. Таким людям кажется, что хорошо и полезно им всех и вся привлекать к себе, что одно их пребывание где бы то ни было уже является приклонением милости Божией к тем, кто там присутствует, и непременно будет спасительно для них. Они готовы идти через все преграды, ничто их не страшит, с крестом и с агиасмой, с псалмопением они готовы идти через города и села, горы и поля; они кропят святой водой тюрьмы и больницы, стадионы и театры, улицы, дома, магазины и статуи. Как древние мученики под видом поклонения идолам входили в капища и разрушали их молитвой, так и они хотят молитвой преобразить, спасти весь сегодняшний отступнический, языческий мир.

Каковы корни столь мечтательного, столь наивно-восторженного подхода к христианской жизни? Скорее всего причину надо искать в следующем: современные люди слишком возлюбили землю, мир, возлюбили душу свою в мире сем, возлюбили свою деятельность на земле, свое падшее состояние, свое богатство, всю свою "духовную" культуру, свои искусства и свой "прогресс", вгрызлись в землю, вжились в мир сей. Второе: человеческий ум стал рационалистическим, человек привык мыслить лишь в категориях пространства и времени. Все, что находится за пределами видимого мира, не укладывается в понятия современного человека. Чтобы понять, то есть принять на веру истины действительно духовные, необходимо переступить через свое обычное мышление, отдаться вере, измениться, возвыситься умом, как бы выйти из ума. Но это для рационалиста – безумие. А ведь именно чрезмерная логичность, боязнь выступить из своей рассудочности и были чаще всего причиной неприятия догматических истин осужденными Церковью и преданными ею анафеме еретиками. И третье: духовная слепота, неимение реального, непрелестного духовного опыта в различении помыслов, чувств, действий, неведение своего действительного духовного состояния. А корень всех трех этих зол в закоснении человека в своей гордыне, в самости, в самонадеянности. Отсюда и самодеятельность современных "проповедников Православия".

Человек, видящий свои грехи, познавший собственную немощь, и человек, не зрящий греха своего, могут одинаково казаться верующими и православными, знать основные истины нашей веры и говорить одинаково правильные вещи, но духовное их различие крайне велико. Вся жизнь человека, усматривающего в глубине своего сердца начатки страстей, готовых умертвить его, обращена внутрь. Весь образ мышления его – покаянный, деятельность сдержанная скромная. Молитва – о прощении своих грехов, об исцелении своей прокаженной души. Когда его просят помолиться о других, ему это крайне трудно, когда он молится за другого, пот градом катится с лица его, он желал бы лучше всех и все оставить и спасти скорее свою душу. Такому человеку не надо говорить, что есть внутренняя жизнь, какое главное духовное делание необходимо: перед ним – его душа, убитая грехом. Плач – какое еще делание может быть полезно? Его могут обвинять в эгоизме, в замкнутости на самом себе. Но на самом деле лишь его путь – истинный. Принося покаяние, плача о грехах своих, моля Бога очистить его от них, он действительно становится новым человеком, "новой тварью" (2 Кор. 5, 17). И благодать Божия, почивающая в кротком и смиренном сердце, уже поневоле обращает к нему взоры людей, видящих в нем образец подлинно духовной христианской жизни, влечет к исправлению их самих.

Человек же, не зрящий греха своего, находится в странном, неестественном воодушевлении, он словно пьян! Чем ему себя занять? Каких-то тяжких грехов он за собой не знает, внутри тоже ничего особенного не видит, а если и видит, "так что, Бог милостив, простит! Все мы страстны". Не понимает человек, что ему внутри себя делать и рвется наружу. Вся его деятельность вовне, он сам постоянно изливает из себя свой свет и

добро: милостыня, молитва о других так "радостны" для него! Казалось бы, святой, да и как выигрышно отличается он от того – кающегося, занятого собой христианина. На самом же деле здесь страшное обольщение! Но как трудно обнаружить этот обман! Тут необходимо действительно духовное зрение, оно показало бы, что в сердце взамен Христа – идол гордыни, идол самости, который источником всякого добра почитает не Бога, а самого себя. И важно понять: **зрение греха своего** – не умовое знание о своих погрешностях, но дух покаянный, ревностная требовательность к себе, ненавидение в себе лукавства, лицемерия, притворства, ненавидение в себе человекоугодия, артистизма, всякой лжи, а не только явных греховных пожеланий. **Зрение греха своего** – дар Божий, первый дар, который дает благодать Духа Святого тому, кто искренно ищет Бога. Оно сокрушает душу, смиряет ее, не дает ей высоко думать о себе, отрезвляет, вводит внимание внутрь. Кто не узрел грех свой, тот еще не начинал духовную жизнь. Такой человек, если и даст совет, то этот совет не содержит в себе силы, он взят из мечтания, из сонного видения. Слова такого человека – лозунги, действия – актерство. Его знания о духовной жизни – дилетантство, его проповедь – литературщина. Его энергичность не от ревности об истинном богоугождении, а от жажды деятельности в мире сем, "самопожертвование" – не стремление "погубить душу свою" ради собственного спасения, а оживление ее ради избежания требующейся от христианина смерти во Христе. Такой человек не Крест Христов несет, а носитя с крестом, обманывая самого себя и других. Вспомним рассказ преподобного Петра Дамаскина: некогда умирал один старец, которого люди почитали святым, своим духовным отцом, плакали безутешно над его одром. А другому, действительно духовному старцу, было открыто Богом в то время, что умиравший на самом деле **ни на минуту в своей жизни не упокоил Господа в сердце своем**. Святой Петр Дамаскин поясняет, что не давало упокоиться Господу в сердце этого столь высоко чтимого народом подвижника – **гордыня и самомнение**, страшнее которых в жизни духовной поистине ничего нет.

И именно от незнания своей поврежденности грехом, непонимания самого процесса болезни, от самоуверенности, похвальбы собственным добром и усилиями рождается холодное, пренебрежительное отношение к догматам. Так бывает нередко с людьми, интересующимися лишь нравственно-аскетическими вопросами: они не видят связи догмата с жизнью. И оттого нередко думают: "зачем нам догматы?", "какая разница между религиями?", "есть ли она вообще?" и т.п. Но наступает порой в духовной жизни такое состояние, когда человек полностью изверивается в собственных силах и, уже не надеясь на себя, по необходимости обращается к сверхъестественной помощи – к Богу. Здесь-то и открывается вся великая и даже единственно важная ценность "так называемых догматов".

Крайне, крайне опасна приобретающая сегодня такое распространение тенденция к адогматизму, который чаще всего отрицает не самую истинность Божественных догматов, но лишь необходимость ясного знания их для нравственной, духовной христианской жизни. Такой взгляд полагает догматы чем-то отвлеченным, не имеющим отношения к реальной жизни, обесценивает их, считает практически ненужными, отрицает неразрывную связь догматов и заповедей. Но опять-таки: когда человек изверится в собственных силах, то вдруг оказывается, что "догматы" вовсе не только "истины", то есть не отвлеченные идеи, не знание, не предмет лишь умственного верования, холодного признания, не учение, а наоборот: в них-то и заключается самая подлинная жизнь, или, даже лучше сказать, они-то и суть жизнь души, и только на них основывается, в них коренится, от них получает силу и сама христианская нравственная жизнь, наше доброе поведение. Ибо жизнь души и заключается в причастности к той сверхъестественной жизни, о которой догматы говорят отвлеченно... Тогда догматы приобретают центральное значение, а "нравственные вопросы" – производное, подчиненное, второстепенное... Когда душа поймет это опытно, то от интереса к нравственно-аскетическим вопросам переходит к "жизни догматами", и они становятся для нее самым дорогим. Начинается, зарождается **сердечное** отношение к догматам, а не умственное; первоначальное знание переходит в

общение, а это общение или внутреннее соединение дает подлинное познание. И самый Символ Веры кажется уже тогда не холодным "признанием", а живым исповеданием, горячим свидетельством внутреннего общения с Богом, сердечной любви к Нему. И представлявшиеся некогда холодными догматические истины вдруг зажигаются внутренним огнем и согревают сердце сильнее всех иных средств, ибо жизнь от Бога изливается в сердце исповедующего Его. На соединенную с любовью веру Бог отвечает самооткровением, или общением, на призывание Его Имени – Жизнью в Нем.

Необходимо понять, что Православие – не просто учение о Боге и человеке, не философская система, пытающаяся объяснить мир отвлеченными понятиями и абстрактными формулами мысли, а самая настоящая, действительная жизнь в Боге, постоянное живое и деятельное общение с Ним. Никакая иная религия и понятия не имеет о том действительном мистическом опыте, которым обладает Православие. Именно потому мы и верим в святость наших догматов, что все они есть самое прямое отражение, впечатление на уровне рассудка того, что открыто людям в мистическом опыте. Богословие Церкви, догматы нашей веры есть общее выражение того, что опытно было познано подвижниками-христианами, и это те богооткровенные истины, которые могут быть опытно познаны каждым православным верующим. Само "христианское богословие" есть только средство, только некая совокупность знаний, долженствующая служить той цели, что превосходит всякое знание. Эта конечная цель есть соединение с Богом или **обожение**" (2). И потому: "христианская теория имеет значение в высшей степени практическое и чем мистичнее эта теория, чем непосредственнее устремляется она к высшей своей цели – к единению с Богом, тем она и "практичнее" (3). Учение Церкви самым тесным образом соединено с внутренним опытом, открывающимся в различной мере верующим. "И вся сложная борьба за догматы, которую в течение столетий вела Церковь, представляется нам, если посмотреть на нее с чисто духовной точки зрения, прежде всего неустанной заботой Церкви в каждой исторической эпохе обеспечивать христианам возможность достижения полноты мистического соединения с Богом. И действительно, Церковь борется против гностиков для того, чтобы защитить саму идею обожения как вселенского завершения: "Бог стал человеком для того, чтобы человек мог стать Богом". Она утверждает догмат Единосущной Троицы против ариан, ибо именно Слово, Логос, открывает нам путь к единению с Божеством, и если воплотившееся Слово не той же сущности, что Отец, если Оно – не истинный Бог, то наше обожение невозможно. Церковь осуждает учение несториан, чтобы сокрушить средостение, которым в Самом Христе хотели отделить человека от Бога. Она восстает против учения Аполлинария и монофизитов, чтобы показать: поскольку истинная природа человека во всей ее полноте была взята на Себя Словом, постольку наша природа во всей своей целостности должна войти в единение с Богом. Она борется с монофелитами, ибо вне соединения двух волей во Христе – воли Божественной и воли человеческой – невозможно нам достигнуть обожения: "Бог создал человека Своей единой волею, но Он не может спасти его без содействия воли человеческой". Церковь торжествует в борьбе за иконопочитание, утверждая возможность выражать Божественные реальности в материи как символ и залог нашего обожения. В вопросах, последовательно возникающих в дальнейшем – о Святом Духе, о благодати, о самой Церкви – догматический вопрос, поставленный нашим временем, – главной заботой Церкви и залогом ее борьбы всегда являются утверждение и указание возможности, модуса и способов единения человека с Богом. Вся история христианского догмата развивается вокруг одного и того же мистического ядра, которое в течении следовавших одна за другой эпох оборонялось различным видом оружия против великого множества различных противников. Богословские системы, разработанные в ходе и в течение всей этой борьбы, можно рассматривать в их самом непосредственном соотношении с жизненной целью, достижению которой они должны были способствовать" (4). Цель эта – соединение человека с Богом. В таком случае они и воспринимаются нами как должно – как самая основа христианской жизни.

А сегодня слова "догмат", "догматическое богословие" для некоторых стали чуть ли не ругательными, как будто догмат – враг жизни. Но отсутствие догмата – открытая всем заблуждениям дверь. Адогматизм отучает христиан мыслить, отличать истинное учение от ложного. Догмат или ересь – это свет или тьма, добро или зло, любовь или ненависть, жизнь или смерть. Приятие догматов есть единственное условие познания истины и освобождения человека от всякой лжи и от исполнения дел "отца лжи". Ревность без истинного, благодатного знания догмата может стать фанатизмом, точно так же знание без ревности может оставаться мертвым, не ведущим ко спасению.

Церковное христианство стоит за догматы, но тем не менее проявляет терпимость к заблудшим. По словам святителя Феофана Затворника, "истинная веротерпимость искренне любит и благоговейно чтит единую веру свою (то есть веру православную), ревнует о чистоте и о славе ее, радуется возвышению ее, но при этом дает место близ нее и другим верам не потому, что считает их равночестными и спасительными, а по снисхождению к немощам заблуждающихся. Она не теснит, не гонит, не преследует; но вместе не упускает случая **с любовью указывать заблуждение** и предлагать свободному убеждению и совести выбор лучшего" (5).

Догмат осуществляет строгий суд над теми христианскими обществами, которые игнорируют долгую историю Церкви и начинают строить заново свое собственное "христианство". В догматическом богословии выражена сущность христианской веры, богооткровенное знание, проповеданное в Евангелии, возвешенное апостолами, раскрытое и пронесенное через века Отцами Церкви, утвержденное в опыте жизни и смерти величайших Святых. И потому догмат – это меч херувимский, ниспадающий между Духом, который есть истина (1 Ин. 5, 6) и духом заблуждения (1 Ин. 4, 6), то есть между Христом и антихристом, между христианином и миром. Догматы правой веры являются описанием условий возможности нашего спасения! Может ли наступить эпоха, в которую догматические разногласия между богооткровенным преданием и ересями стали бы неактуальными?

Индифферентизм в вопросах веры есть язва рода человеческого. Святитель Феофан говорит: "Если одна только вера ведет ко спасению; так что все иноверия не спасают, а влекут за собою пагубу, тот, кто удерживает в них, не губит ли всех, кого удерживает? Когда свирепствует мор и искусный врач изобретает единственное врачевство, то всякий, кто уверяет: "ничего, и то лекарство хорошо", губит всех, кои его послушают. Таков индифферентизм: он расслабляет и убивает дух. Содержащий его, почти то же, что безбожник, ибо явно, что для него вера – есть стороннее дело, что он содержит ее по обычаю, в подражание другим или, еще хуже, будто какое-либо средство политическое. Все сии укоры падают и на того, кто говорит: все равно, лишь бы была христианская вера, а то какая-нибудь. Откуда эта мысль? Апостолы с такой ревностью заботились о единомыслии, так деятельно старались восстановить его, когда оно как-нибудь нарушалось, так строго вооружались против разномыслящих, что определяли им отлучение, а ныне вошло в обычай говорить: все равно, лишь бы христианская, хотя бы то была и ересь? Как же Господь говорил: *Аще Церковь прослушает, буди тебе, яко мытарь и язычник* (Мф. 18, 17)? И потом, как же Церковь во все свое продолжение так сильно ратовала и вооружалась против всех разномыслящих? Будто все сие так?" (6)

Важно обратить внимание на то, как экуменизм, разрушая "стены разделения", то есть – систему догматов, пользуется совершенно жульническими методами: всячески размываются, подменяются, тасуются, переворачиваются религиозные понятия, термины, значение приводимых цитат. Из, казалось бы, тех же святых и дорогих нашему сердцу слов складывается какое-то совершенно неслыханное учение! Так западные богословы выдвигают на передний план "милосердного ближнего", а не "милосердного Бога". Смещение акцента в догмате неизбежно отражается на духовной жизни: вторая заповедь – о любви к ближнему начинает занимать место первой – о любви к Богу. (А если любовь к ближнему получит такое преобладание, то она, как утверждает преп. Никодим Святогорец, может удалить нас от любви к Богу, причинить нам большой вред и

ввергнуть в пагубу). Слова подбираются и подгоняются друг к другу таким образом, чтобы непременно угодить человеку с современной психологией. Уже не говорят об искуплении, но – об освобождении, со всем тем, что это слово содержит в своей двусмысленности. Возникают мнения, что догматическое содержание может выражаться в разных словесных формулировках, что нет абсолютной истины, нет господствующей идеологии – есть много идеологий, каждая из которых отчасти истинна. Нет одной Истины – есть много относительных, частичных истин.

Но это – страшное и пагубное заблуждение. "Наука и философия ставят себе вопрос: ЧТО есть истина? В то время, как подлинное христианское религиозное сознание всегда обращено к истине "КТО". Не понимают они всей негативности своего "ЧТО"; не понимают, что Истина подлинная, абсолютная может быть только "КТО" и никак не "ЧТО", потому что ИСТИНА не есть отвлеченная формула или отвлеченная идея, но есть САМОЖИЗНЬ. В религиозной жизни человек, сходящий на путь рассудочных исканий, неизбежно впадает в пантеистическое мировосприятие. Всякий раз, когда богословствующий ум пытается своею силою познать истину о Боге, роковым образом впадает все в ту же ошибку, в которую погружены и наука, и философия, и пантеизм, а именно – в искание и созерцание истины "ЧТО". Истина "КТО" рассудком никак не познается. Бог "КТО" познается только через общение в бытии, то есть только Духом Святым" (7). Спросим теперь: может ли Истина – "КТО" разбиваться на частички, теряя полноту и целостность?

Для воззрений экуменистов, как и вообще для современного мышления, характерны разорванность, мозаичность, разрыв в целостном религиозном восприятии вероучения, культа, вообще всех явлений жизни, как духовных, так и материальных. Целостное догматическое восприятие означает монизм, подход ко всему, исходящий из одного: "В какой степени это полезно для спасения моей души?" Или напротив: "насколько это отвлекает меня от христианского пути?" Разорванное же сознание не очень заботится о спасении души, а потому и не в силах найти единый истинный критерий оценки. Оно не имеет в себе единства – целостного отношения к жизни, целостного мировосприятия, не имеет единого – евангельского – закона, долженствующего обуславливать все действия, мысли и душевные движения христианина. И потому "сторонник христианского либерализма" может ходить на богослужения, "удовлетворять свои религиозные потребности" в храме и при этом находить эстетическое наслаждение в пошлости голливудских фильмов, а в своей научной деятельности проповедовать пантеизм, дарвинизм или иные нехристианские взгляды. В области рассудка утрата самодержавия ума в сочетании с интуитивизмом приводит к спонтанности, к тому, что человек отвыкает обдумывать свои высказывания, формируя их как бы "на ходу", что становится причиной сильной внушаемости, готовности дать себя убедить в какой угодно глупости, если она облечена в красивую упаковку и проповедуется с большой самоуверенностью. Человек позволяет себе высказывать суждения, логически не обоснованные ни догматами, ни рациональными доводами, а рожденные лишь эмоциями сердца, секулярными ценностями; в представления о Боге вносит свои антропоморфные суждения, приспособливает истину к своим взглядам. Обмирщенность сознания, подвластность ума эмоциям приводит к открытой ереси, к тому, что не совесть и жизнь человека судятся догматами, а напротив – догматы принимаются и отвергаются человеком в зависимости от того, отвечают ли они его собственным представлениям о Боге, не уязвляют ли его совести. Личность тем самым производит еретический отбор, действуя по "личному вкусу", а то и по капризу, выбирает из системы вероучения те догматы и моральные требования, которые ей "нравятся", отбрасывая другие. Создается общая атмосфера двусмысленности и субъективности, в серой мгле которой расплываются критерии Истины и Добра: отсюда непонимание законов духовной жизни, стремление перескочить через определенные ее этапы, жажда христианской любви без Креста, подмена ее воображаемой, прелестной любовью, замена ума – воображением, здравого смысла – субъективным произволом. Современный мир проявляет поразительное нечувствие греха,

не хочет видеть своей греховности, обличающей его, в результате чего и появляется богословие, прямо противоречащее христианскому учению по многим важным пунктам (8).

Экуменисты постоянно повторяют слова "МИР", "ЛЮБОВЬ", "ЕДИНЕНИЕ". Но вкладывает в них смысл далеко не христианский, и не к таким ли проповедникам относятся слова Священного Писания: *...от пророка до священника – все действуют лживо; врачуют раны народа Моего легкомысленно, говоря: "мир! мир!", а мира нет. Стыдятся ли они, делая мерзости? нет, нисколько не стыдятся и не краснеют. За то падут между падшими, и во время посещения Моего будут повержены* (Иер. 6, 13-15)? И еще говорит Господь: *Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...* (Мф. 10, 34-37). *Мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам* (Ин. 14, 27). Нельзя, недопустимо забывать, что в этом мире идет постоянная борьба Бога с дьяволом, Истины с грехом. Борьба эта идет в самом мире, на земле и на небе, не только в сердце человека, но и в самой природе его, включая ум и тело, борьба, которая охватывает всю вселенную. Поэтому нам еще очень и очень далеко до "мира" и до "единства", пока мы должны искать пути примирения с Богом – и именно через борьбу с грехом и со всем греховным, через разделение с теми, кто неправильно учит о спасении, кто грешит и учит грешить других, через постоянную жестокую брань с самими собой, со всем страстным и порочным в себе. Поэтому и от пастырей требуется прежде всего слово обличения, слово часто жесткое, секущее, разящее грех и ложь, отрезвляющее, страшное. Близится Страшный Суд, не время говорить сладостные, обольщающие, тешащие, ласкающие слух речи. Вспомним недавно прославленного святого Грузии – епископа Гавриила Кикодзе, его горячие, рожденные болью и любовью к своему народу обличительные проповеди: он не льстил слуху паствы, но раскрывал пред ней все язвы отступнического мира. Именно сегодня нужны такие слова – больше, чем когда-либо! "Жесток путь спасения, – говорила известная подвижница игуменья Арсения, – жестоко бывает иногда и слово, высказанное о нем, – это меч, обоюдоострый, и режет он наши страсти, нашу чувственность, а вместе с нею делает боль и в самом сердце, из которого вырезаются они. И будет ли время, чтоб для этого меча не оставалось больше дела в нашем сердце?" (9) Христианство, "избавленное" от этой боли сердечной, от этого меча, который режет и разделяет, полюбившее лежащий во зле мир сей, желающее покоить и тешить человека в его болезненном, падшем виде, уже не восстанавливающее его от падения, обличая, запрещаая, увещевая со всякой властью (2 Тим. 4, 2; Тит. 1, 13, 2, 15) – такое христианство без Креста, без соли – одна только благообразная завеса, за которой спокойно живет и действует грех. Любовь к ближнему невозможна без победы над своими страстями, без боли, без борьбы, без крови, без возненавидения души своей в мире сем, без погубления ее ради Христа. Чтобы можно было сказать, что мы любим ближнего, его "надо поставить на то место, где сам стоишь, значит: прежде надо сойти с того места, где стоишь. Где же это место? Это весь мир, видимый и невидимый. Везде самость захватила все себе, ничего не хочет уступить ближнему, и как же может любить душа ближнего, когда чувствует, что он у нее все отнимает, имея на все такие права, как и она. Надо все у себя отнять, чтоб уступить все ближнему, и тогда-то вместе с ближним душа обретет и Господа" (10). Сторонники экуменизма, может быть, сами того не понимая, возрождают ересь хилиазма: они еще прежде Страшного Суда, прежде отделения пшеницы от плевел, хотят напечь себе из этой пшеницы вкусного хлеба, хотят теперь уже устроить царство мира и счастья на земле, обойдя Крест и все страдания и разделения, связанные с Ним. Отсюда постоянные восторженные ожидания "воссияния" духовности, веры, религиозности. Но надо заметить, что сами понятия религии и Церкви крайне путаны сегодня. Увы, но "в глазах многих наших современников различия между религиями теряют свое значение и достаточно верить в Бога, чтобы понятие Церкви растворилось в

общем понятии религии (и даже не только христианской) и исчезло. В результате мы стоим перед понятием Церкви либо искаженным, либо расплывчатым, туманно сливающимся с понятием христианства вообще. "Экклезиология перестала быть популярной. "Секулярные" интерпретации и разнообразные формы харизматизма сделали экклезиологию, как таковую, по-видимому, ненужной. Церковь стала рассматриваться почти как идол и, во всяком случае, как помеха для признания человеком его призвания в истории и для непосредственного восприятия духовных даров". Хаос безразличия господствует как в области догматической, так и в области канонической. Мы вдруг "поняли" то, чего не понимали Святые Отцы: что каноны – "человеческие изобретения", а не претворение в жизнь догматов Церкви. "Соборы, каноны – все это отжившее", и теперь прерогативы Собора ("изволися Духу Святому и нам") переносятся каждым на себя" (11).

Об экуменизме можно говорить долго, ведь придется в конце концов поднимать все учение святых Отцов, не только о догматах, но и о всех сторонах духовной жизни, так как страшное искажение, лежащее в основе этого движения заключается, прежде всего, в удалении от духовного центра православного учения, в уклонении от главной оси всей христианской жизни – от Креста, от духа покаяния, духа смирения. Поэтому все здание экуменизма, как бы оно ни было украшено, строится на ином фундаменте – на песке человеческой самости. Это – "Воскресение" прежде смерти на Голгофе, "Пасха" прежде Страстной Седмицы. Все дерево экуменизма растет на почве отступничества, все оно есть злое семя, те самые плевелы, которые сожгут Ангелы Божии в огне неугасимом. Вполне ошибочно думать, что при "определенной дипломатии" с этого дерева можно сорвать и питательные, полезные нам плоды. *Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы* (Мф. 7, 16.)?

"Посему, братья, – говорит преподобный Иоанн Дамаскин, – да стоим на Церковном Предании, как на камне веры нашей, не передвигая границы, которую поставили святые Отцы наши, не давая места тем, которые желают нововведений и разрушения здания Святой, Божией, Вселенской и Апостольской Церкви, ибо если каждый будет поступать по своей воле, мало-помалу разрушится все Тело Церкви!"

Аминь.

Примечания:

1. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Москва. 1991. С. 20.
2. Владимир Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Москва. 1991. С. 20.
3. Там же.
4. Владимир Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Москва. 1991. С. 10-11.
5. Святитель Феофан Затворник. Слова на Господские и Богородичные дни.
6. Святитель Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. Т. 2. Москва. 1994. С. 360-361. См. также статью протоиерея Александра Шаргунова "Меч Херувимский", "Троицкое Слово", 1990.
7. Схиархимандрит Софроний (Сахаров). Старец Силуан. Москва, 1996. С. 102.
8. См. ранее упоминавшуюся статью "Меч херувимский".
9. Игуменья Арсения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994. С. 135.
10. Там же. С. 162.
11. Леонид Успенский. Богословие иконы Православной Церкви. Москва. 1994. С. 447.